

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Н.Ф. Крюкова

Тверской государственной университет, г. Тверь

В докладе обсуждается герменевтический аспект интерпретации художественного текста как сложного коммуникативного акта, представляющего собой рефлексивную мыследеятельность, которая реализуется в ряде взаимообусловленных и связанных между собой позиций по пониманию смыслов.

Ключевые слова: текст, коммуникация, интерпретация, понимание, рефлексия, герменевтическая ситуация/позиция.

Известно, что целый ряд тенденций в изучении текста являются свидетельством антропоцентризма и внимания к категории субъекта современных лингвистических исследований в целом. В том числе такие тенденции определяются интересом к коммуникативным основам текста, позволяющим описать коммуникативную модель мира, которую в соответствии с авторской интенцией конкретизирует текстовая структура. При этом текст описывается как сложное и органическое единство коммуникативных основ и маркирующих их языковых средств с обращением не к реальным участникам художественной коммуникации, а к их подразумеваемым, имплицитным аналогам, проецируемым на реальных реципиентов-читателей. Психологизированное повествование, особенно свойственное современной литературе, даёт текстовой материал для описания художественного моделирования «Я» как «Я коммуницирующего» [Щирова, Тураева 2005: 14]. Художественное моделирование коммуникативных процессов квазисубъекта-персонажа и вычленение и систематизация языковых средств, изображающих в художественной форме особенности реального общения, есть ни что иное, как интерпретационная мыследеятельность. Именно она позволяет рассматривать бытие литературного произведения как результат коммуникации автора и читателя, «выстраивающих» смыслы. При этом эта метакоммуникация определяет целый ряд позиций в герменевтической деятельности по пониманию текста, в том числе и интерпретационную позицию как внешнюю, так и внутреннюю. Во внешней позиции реципиент как человек, стремящийся к пониманию, вступает в коммуникацию с самим собой, постоянно задавая себе самому вопрос о том, насколько правильно его понимание. При ответе на этот вопрос приходится одновременно вступать в коммуникацию и с текстом, так как только текстовая фактура может верифицировать подлинность понимания. При этом особую проблему здесь представляет разделённость средств коммуницирования и содержания коммуникации, которая всегда имеет место в художественном освоении, и эта работа предполагает соотнесение образов знаковых ситуаций с образами реальных ситуаций. В данном случае при затруднениях понимания и их преодолении рефлексия начинается с переживания, которое можно передать как «**Я** понял/не понял **это**».

Во внутренней позиции через коммуникацию происходит приобщение к чувствам и переживаниям автора и персонажа текста. При этом понимающий реципиент опять-таки может критиковать собственное понимание, а также оценивать его с точки зрения переживания самого процесса этой деятельности. Можно говорить и о переходной позиции как «мостике» между внешней и внутренней. Человек, ставший в эту позицию, может играть разные коммуникативные роли, например, педагога, обучающего других людей; или собственно интерпретатора как обучаемого, либо соглашающегося с другими интерпретациями, либо корректирующего и дополняющего их. В рамках указанных позиций возможен набор их частных вариантов, так как разделённость в данном случае предполагает и кооперацию как результат в равной степени задействованных дискурсивности и интуитивности, одинаково определяющих успех любой коммуникации. «Вообще осознание *абсолютно актуально* для процесса понимания лишь тогда, когда необходимо *осознать непонимание*. Когда же эта задача не стоит, именно участие интуитивности в процессе понимания делает акт понимания легким и естественным делом. Поэтому неосознанность процедуры приема смыслов - одно из условий, облегчающих сознательное оперирование ими. Для процесса понимания вообще, ... характерно “прямое усмотрение” содержательности» [Богин 2001: 39].

Г.И. Богин указывал на необходимость различения таких понятий, как «общение», «сообщение», «коммуникация», «понимание», отмечая, что понятие коммуникации несравненно шире понятия «понимание» [Богин 2009: 14]. При этом оно не сводится и к «передаче сообщений» или к «циркуляции информации». По мнению Богина, в коммуникации выражаются все моменты мыследеятельности и сами формы коммуникации неисчислимы: от живого диалога двух и более людей до «диалога» читателя с давно уже не живым писателем, и во всём этом разнообразии понимание должно определяться как **преодоление** действительных или возможных **разрывов в коммуникации** (здесь и далее жирным шрифтом даны концептуальные единицы понятийно-терминологического аппарата, предложенного Г.И. Богиним). Недоучёт этого положения влечёт за собой неразличение герменевтических ситуаций: тех, в которых «надо требовать понимания (от себя или других), и тех, в которых «и без того понятно». Определение ориентира и направление по нему своих или чужих усилий в процессе интерпретации текста, выбор текстового материала для доказательного объяснения и многие другие действия в герменевтических ситуациях существенно зависят от этого различения. Важно иметь в виду, что человек, постоянно пребывая в мире коммуникации, понимает очень многое и очень часто. Отсюда необходимость уметь определять в естественно-привычном процессе понимания именно те места разрывов в коммуникации, где требуется **герменевтическое усилие** как особая форма интенсификации мыследеятельности. Предельным случаем недооценки этого требования Богин считал ситуацию, когда учитель объясняет школьникам то, что они уже поняли и к моменту объяснения уже знают. Зачастую это бывает пересказ сюжетной

линии на уровне содержания текста, что и так легко понять, но при этом не делаются усилия, для того чтобы понять смыслы и художественную идею произведения, то есть усилия для того, чтобы преодолеть разрыв в коммуникации между писателем и читателем.

Таким образом, осмысление понимания в виде интерпретации выступает как коммуникация в разных видах герменевтической деятельности: между отдельными людьми, между реципиентом и культурой, реципиентом и накопленным знанием. При этом изменяется отношение к старому знанию, а новое знание обогащается элементами прошлого опыта культуры – и всё это есть не что иное, как рефлексия реципиента над всем своим опытом отражения действительности и над всем своим опытом коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

Богин Г.И. Филологическая герменевтика // Г.И. Богин. Обретение способности понимать: Работы разных лет. Том 2. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009 (1982). С. 3–76.

Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. — М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. — 516 с.

Щирова И.А, Тураева З.Я. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – 156 с.

INTERPRETATION AS ARTISTIC COMMUNICATION

The paper discusses some hermeneutic aspects of interpretation of fiction texts in the light of artistic communication. The author highlights the complexity of this communicative act as a kind of reflective thinking activity. She accentuates the possibility to present it as a number of interrelated and interconditioned positions/situations of message understanding. Keywords: text, communication, interpretation, understanding, reflexivity, hermeneutical position/situation. Сведения об авторе: Крюкова Наталия Фёдоровна, д.филол.н., профессор, Тверской государственный университет, факультет иностранных языков и международной коммуникации, зав. кафедрой английского языка, nakrukova@mail.ru

